

Сталинский фантазёр родом из Уссурийска

Увлёкшись историей советской фантастики, я открываю для себя прочно забытые на сегодня имена и яркие судьбы. С одним из таких имен я и хочу познакомить читателей газеты — хотя бы потому, что этот писатель, ставший в свое время известным на всю страну, — родом из Уссурийска. А значит, это и наша, приморская история. Его биография, его творчество — плоть от плоти той сложной и увлекательной эпохи, в которой он жил. Но и эта эпоха, и его жизнь воспринимаются сегодня сами по себе как увлекательный фантастический роман...

Дирижабль над уссурийскими дебрями

Итак, знакомьтесь: Николай Николаевич ШПАНОВ — журналист, путешественник, историк авиации. А кроме того — первый и единственный за всю историю писатель-фантаст, удостоенный за свои фантазии Сталинской премии. Родился он 10 июня 1896 г. в г. Никольск-Уссурийском Приморской области в семье железнодорожного служащего. Вглядитесь в это утончённое лицо на фотографии — оно выдает аристократическую породу. По устному свидетельству дружившего со Шпановым А.Д. Морозова, тот происходил из остзейского рода von Schrapoff, потомки которого ввиду бедности были вынуждены во второй половине XIX в. переселиться из родового гнезда в Эстляндию на новоприосоединённый к России Дальний Восток. Нам ничего неизвестно об уссурийском детстве будущего фантаста — этот период ещё ждёт своих исследователей. Известно, что мальчик с детства бредил небом и авиацией. Но по окончании гимназии Николай поступил сначала на кораблестроительный факультет Санкт-Петербургского политехнического института, откуда в связи с началом первой мировой войны перевелся в Военно-инженерное училище. В 1916 г. сбылась его мечта: Николай окончил Высшую офицерскую воздухоплавательную школу и принимал участие в боях в качестве офицера царской армии. В 1918 г., быстро разобравшись в политической ситуации, он добровольно вступил в Красную Армию, где около 20 лет служил в среднем командном составе Военно-воздушного флота.

С 1925 г. Николай Шпанов начинает регулярно печататься в изданиях «Добролёта» и «Осоавиахима», пропагандируя авиацию как наиболее действенное средство укрепления обороноспособности страны. Кроме того, он пишет ряд брошюр, сыгравших заметную роль в массовом увлечении авиацией в 20-е годы. Особо следует отметить созданный Шпановым цикл методических пособий, написанных столь просто и увлекательно, что с их помощью ранее не знакомый с техникой человек к концу восьмимесячного цикла обучения мог уже сам чинить авиационные моторы. К тому же он — автор учебника для лётных училищ «Основы воздушных сообщений». Став специалистом своего дела, Шпанов возглавляет специ-

ализированные журналы «Вестник Воздушного флота» и «Самолёт» и помимо этого регулярно публикуется во «Всемирном следопыте», выступая с рассказами для юношества и путевыми очерками.

Впрочем, это вовсе не значит, что днём и ночью он просиживает за редакторским столом. Шпанов, как и вся страна, разбуженная «Маршем энтузиастов», находится в постоянном движении. Он участвует в организованном Осоавиахимом агитационном перелёте дирижабля на Дальний Восток (и тут же пишет книгу «Наш полёт в лесные дебри», 1926), в агитационном автопробеге по тому же маршруту («На автомобиле по Уссурийскому бездорожью», 1930) — и таким вот неординарным образом снова посещает край, в котором родился. В начале 30-х гг., в соответствии с новыми общественными веяниями, в жизни и творчестве Николая Шпанова главенствует «арктическая» тема: он участвует в походе ледокола «Красин», отправляется на острова Новой Земли, где спасают экспедицию Нобиле, — о чём позже напишет целый ряд документальных книг. От путевых очерков писатель плавно перейдет к беллетристике, издав в начале 30-х два сборника рассказов — «Загадки Арктики» и «Песцы».

Если завтра война

Собственно, дебют в жанре научной фантастики состоялся у Николая Шпанова раньше: это были новеллы «Тайственный взрыв» и «Записка Анке», опубликованные в середине 20-х с подзаголовком «Фантастический авиарассказ». Об их сюжетах сегодня ничего не известно. Мне удалось разыскать в интернете лишь один из его ранних фантастических рассказов с характерным названием «Льды и крылья», который он опубликовал в своём журнале «Самолёт» в 1925 г. и который впоследствии не вошёл ни в одну библиографию. О завоевании Арктики с помощью авиации, об её утеплении и создании там цветущих городов писали тогда многие фантасты — достаточно вспомнить романы Г. Адамова «Изгнание владыки», А. Подсопова «Новый Гольфстрим» или «фантастическую повесть» лётчика М. Водопьянова «Мечта пилота». Дань этому увлечению отдал и Николай Шпанов, издав в 1932 г. роман «Льды и фраки» (первоначальная журнальная его публикация называлась «Земля недоступности»).

Однако во второй половине 30-х с этими арктическими мечтами пришлось расстаться, так как в международной атмосфере ощутимо повеяло угрозой войны. И тут Николай Николаевич заявил о себе в полную силу. То ли он удачно уловил настроение дня, то ли хорошо выполнил заказ партии, но буквально за пару месяцев Шпанов сочинил военно-утопический роман «Первый удар» с подзаголовком «Повесть о будущей войне». Она вышла в 1939 г. миллионными тиражами сразу в нескольких издательствах, в том числе была издана Наркоматом обороны в серии «Библиотечка командира». Книга наглядно иллюстрировала сталинский тезис о войне «малой кровью и на чужой территории». Сюжет сводился к тому, что эскадрилья наших доблестных бомбардировщиков, сделанных ради уменьшения веса из специальных легких сплавов и снабжённых паротурбинными (!) двигателями, упреждала нападение немецких самолётов, громила врага на его территории, затапливала Нюрнберг и поднимала восстание германского пролетариата. И вся эта война длилась всего-то 12 часов! Самое удивительное, что ещё до выхода книги была сделана её экранизация — фильм назывался «Глубокий рейд» и вышел на экраны в 1938 г. Послевоенные поколения зрителей этого фильма уже не увидели и о его существовании даже не догадываются.

Между тем, и книга, и фильм пользовались тогда большим успехом у населения, но, в конечном счете, сыграли роковую роль, вселив в наших бойцов шапкозакидательские настроения скорой победы. Известный авиаконструктор А. Яковлев в своих воспоминаниях писал: «Не один командир с горечью вспоминал впоследствии о «недоброй» фантастике Шпанова, которой, к сожалению, пронизана была вся наша пропаганда перед войной, сеявшая иллюзии о том, что война, если она случится, будет выиграна быстро и без потерь». А

Серпилин, герой романа «Живые и мертвые» К. Симонина, в одной из глав крыл матом автора «Первого удара»: «Этого фантазера на несколько дней бы сюда, на Бобруйское шоссе!». Ради справедливости отмечу, что, по свидетельству очевидцев, после первой же командировки на фронт Николай Николаевич вернулся подавленный увиденным: его, бывшего царского офицера, поразила неразбериха, неорганизованность и растерянность нашей армии.

Книга, наделавшая столько шума, к тому времени была запрещена, и те, у кого её находили, отправлялись под трибунал. Сам автор, впрочем, как ни странно, не пострадал...

Ночные похороны

Его талант очень скоро снова пригодился. Удовлетворяя возникшую в годы войны потребность в агитационной литературе с захватывающим авантюрным сюжетом, Николай Шпанов стал сочинять «многосерийный» военно-фантастический детектив «Тайна профессора Бурого», где были представлены традиционные для писателя темы: гениальный изобретатель, коварные фашистские шпионы, проницательные контрразведчики, затерянный остров и невидимые подводные лодки. В течение 1943-44 гг. вышло шесть выпусков этого романа, но потом публикация была прервана, что вызвало прямо-таки чувство отчаяния у населения, поскольку эти брошюры пользовались невероятным успехом и передавались из рук в руки. Позже писатель переработал и закончил этот роман: он вышел отдельным изданием в 1958 г. под названием «Война невидимок» — и весь тираж тут же был сметён с прилавков.

После войны Николай Шпанов снова правильно уловил злобу дня и сотворил грандиозную трилогию о сговоре американских империалистов и югославских рванов с германскими фашистами — «Поджигатели» (1949), «Заговорщики» (1951), «Ураган» (1961) — каждый том под тысячу страниц. Тематическая новизна этой политической эпопеи, её многоплановость, сюжетная занимательность, обилие исторических персонажей, а также непривычное для советского читателя обширное цитирование совершенно секретных документов обеспечили книгам стабильный читательский успех, а Шпанову — солидные гонорары. Несмотря на то, что все секретные документы были сочинены самим писателем (как, например, расписка Тито в получении им де-

нег от ЦРУ), в писательской среде сложилось впечатление об авторе как о необычайно сведущем человеке, которому будто бы доверены важнейшие государственные тайны. Юлиан Семёнов позже взял этот конспирологический прием на вооружение, когда сочинил свои романы о Штирлице, и призывал своих коллег «учиться у Шпанова».

Но наступило другое время. Потомок остзейских рыцарей, старавшийся держаться подальше и от власти, и от коллег по перу, с началом «оттепели» оказался в полной литературной изоляции. После XX съезда КПСС его романы, прославляющие сталинскую идеологию, казались уже всем одиозными. Новый цикл детективных романов Шпанова «Похождения Нила Кручинина» вызвал уже недоуменные отклики в прессе, быстро перешедшие в откровенную травлю писателя. Последние годы жизни тяжелобольной Николай Шпанов прожил на родине предков — в хуторке Эсберг Ракверского района Эстонской ССР, работая над своей последней книгой. Однако выход в свет полужанра фантастического романа «Ураган» прошёл незамеченным, как осталась незамеченной и кончина самого писателя в 1961 г. На его похороны, которые почему-то состоялись под покровом ночи, не пришёл ни один человек, кроме ответственного за церемониал чиновника Литфонда.

Известный фантаст Кир Булычёв, зачитывавшийся в детстве романами Шпанова о профессоре Бурого, впоследствии написал о нём так: «Шпанов как фантаст, на мой взгляд, превосходил всех массовых писателей. Он казался мне человеком, которому судьба подарила самородок. Вот он вытащил из приморской тайги этот самородок — свой талант — и принялся, суетясь, отщипывать, отбивать, откалывать от него кусочки, пока весь этот самородок не промотал». И всё же его романы, написанные добротной, увлекательной и со знанием дела (некоторые сравнивают их стиль со стилем ранних Стругацких), думается, были бы интересны и современному читателю. Во всяком случае, доклад о жизни и творчестве Николая Шпанова, прочитанный мною в ходе двух Артёмовских историко-краеведческих чтений, прошедших в местном музее, вызвал живой интерес. После этого артемовский выставочный центр «Галерея» запланировал показать ветеранам и молодёжи чудом найденный в недрах интернета фильм «Глубокий рейд», снятый по самому знаменитому роману «Сталинского фантазера». Этот локальный общественный резонанс вполне подтверждает смысл невесть кем написанных стихотворных строчек:

«Терпкий запах советских реалей и журналов зачитанных пыль

Мы старательно так забывали, что никто до сих пор не забыл...»

Сергей СЛАВГОРОДСКИЙ